

DOI: 10.31857/S013038640021317-6

© 2023 г. Д.Р. ЖАНТИЕВ

ДВА ОБРАЗА МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ В БЕЙРУТЕ И ДАМАСКЕ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1908 года В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Жантиев Дмитрий Рустемович — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120

Аннотация. В статье рассматривается реакция провинциального общества на события первого этапа Младотурецкой революции в Османской империи в 1908 г. на примере двух крупных центров сирийских провинций Османской империи — Бейрута и Дамаска. Ограничение младотурками власти султана-халифа Абдул-Хамида II вызвало неоднозначную, порой диаметрально противоположную реакцию на арабской периферии Османской империи, анализ которой необходим для понимания механизмов дальнейших отношений провинциальных элит с имперским центром. На основе консульских донесений и свидетельств ряда очевидцев событий показаны два образа младотурок и их действия в 1908 г. глазами бейрутской и дамасской общественности. В то время как в приморском Бейруте, служившем главными «морскими воротами» османской Сирии, либеральные настроения среди местных интеллектуалов и торговых семей (как мусульман, так и христиан) послужили почвой для позитивного и даже восторженного восприятия революции, в более традиционной и консервативной городской среде Дамаска восстановление действия конституции и ограничение султанской власти было воспринято настороженно-негативно. Разрушение системы отношений «патрон — клиент», связывавших крупных землевладельцев и мусульманских религиозных деятелей Дамаска с султанским двором, породило протестные настроения среди горожан, что, в свою очередь, осенью 1908 г. привело к массовым беспорядкам в Дамаске. Проведенное исследование опровергает распространенный тезис об однозначно позитивном восприятии Младотурецкой революции в арабских провинциях Османской империи.

Ключевые слова: Османская империя, младотурки, Сирия, Бейрут, Дамаск, политическая борьба, Младотурецкая революция, центр—периферия, общественные движения.

D.R. Zhantiev

Two Images of the Young Turk Revolution: Public Reaction in Beirut and Damascus to the Revolutionary Events of 1908 in the Ottoman Empire

Zhantiev Dmitry, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120

Abstract. In this study, the author examines the reaction of the provincial society to the events of the first stage of the Young Turk Revolution in the Ottoman Empire in 1908 on the example of two large centers of the Syrian provinces of the Ottoman Empire — Beirut and Damascus. The Young Turks'

restriction of the power of Sultan-Caliph Abdul-Hamid II caused an ambiguous, sometimes diametrically opposed reaction in the Arab periphery of the Ottoman Empire, the analysis of which is necessary to understand the mechanisms of further relations between the provincial elites and the imperial center. On the basis of consular reports and testimonies of a number of eyewitnesses of the events, two images of the Young Turks and their actions in 1908 are shown through the eyes of the Beirut and Damascus public. While in seaside Beirut, which served as the main “sea gate” of Ottoman Syria, liberal sentiments among local intellectuals and merchant families (both Muslims and Christians) served as a breeding ground for a positive and even enthusiastic perception of the revolution, in a more traditional and conservative Damascus the restoration of the constitution and the limitation of the Sultan’s power was perceived with a wary negative. The destruction of the “patron-client” relationship that connected the large landowners and Muslim religious figures of Damascus with the Sultan’s court gave rise to protest moods among the townspeople, which, in turn, led to mass riots in Damascus in the fall of 1908. The conducted research refutes the widespread thesis about the unambiguously positive perception of the Young Turk Revolution in the Arab provinces of the Ottoman Empire.

Keywords: Ottoman Empire, Young Turks, Syria, Beirut, Damascus, political struggle, Young Turk revolution, centre-periphery, social movements.

Вооруженное восстание в Османской империи в июле 1908 г., организованное подпольной младотурецкой революционной организацией, известной как «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), положило начало Второй конституционной эпохе (1908–1920). В этот период политическая система османского государства принципиальным образом изменилась: на смену считавшейся сакральной власти султана-халифа Абдул-Хамида II (1876–1909) пришло конституционное правление и соперничество политических партий и групп, оспаривавших друг у друга влияние на османское правительство. Восприятие Младотурецкой революции 1908–1909 гг. в османском обществе было весьма неоднозначным, тем более что ситуация менялась быстрыми темпами. Выступление верных младотуркам воинских частей в Македонии началось в первых числах июля 1908 г. Но в условиях жесткой цензуры информация о нем доходила до отдаленных провинций империи со значительным опозданием и в основном на уровне слухов вплоть до 24 июля 1908 г., когда Абдул-Хамид II, так и не решившийся подавить мятеж силой, согласился выполнить требования революционеров. В сознании большинства османских подданных главным общественно важным событием лета 1908 г. стало издание султанского указа о восстановлении во всей полноте действия османской Конституции 1876 г. и проведении новых парламентских выборов спустя почти тридцать лет после роспуска первого османского парламента. Кроме того, младотуркам в июле 1908 г. удалось добиться от султана издания указов об отмене политической цензуры, амнистии политических заключенных и свободе собраний в преддверии новых выборов. В то же время руководящий комитет организации «Иттихад ве теракки», заседавший в Салониках, продолжал оставаться закрытой, законспирированной структурой и в своей работе в провинциях опирался на местные ячейки, состоявшие в основном из офицеров и чиновников. Особенно сильным влияние идей младотурок было среди молодых армейских офицеров, получивших образование в военных училищах. Турецкий исследователь К. Карпат справедливо отмечал, что протестный потенциал среди молодого офицерства во многом был связан не столько с распространением революционных либеральных идей и их осмыслением, сколько с тяжелым финансовым положением, вызванным размером жалования и задержками его выплат¹.

Демонстрируя формальное уважение к Абдул-Хамиду II в первые месяцы революции, младотурки были намерены установить контроль над османским правительством и вооруженными силами, а главное, лишить султанскую власть ее сакрального с точки зрения ислама характера. Но степень влияния конституционных идей и деятельности самой организации «Иттихад ве теракки» значительно отличалась в разных регионах Османской

¹ *Karpat K.H.* The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York, 2001. P. 172.

империи. Вполне закономерно, что в европейских областях, которые и стали ареной вооруженного выступления в июле 1908 г. (Македония, Албания и Фракия), это влияние было наибольшим. В Анатолии, Сирии и Ираке (в основном в крупных военных гарнизонах) также действовали тайные ячейки младотурецкой организации, но до начала революционных событий местное население практически ничего не знало об их деятельности, а зачастую и о самом факте их существования. Примечательно и то, что руководство комитета «Иттихад ве теракки» не рассчитывало на успех своей пропаганды в арабоязычных провинциях (вилайетах) империи. Во многом это объяснялось тем, что большинство офицеров и гражданских чиновников турецкого, албанского и иного происхождения, активно участвовавших в деятельности тайной организации, не владели арабским языком, что затрудняло их общение с арабоязычными жителями Сирии и Ирака. Кроме того, в арабских провинциях империи авторитет султана-халифа Абдул-Хамида II традиционно был весьма высок. Этому способствовали не только официальная печать и государственная система образования, но также провинциальная знать — крупные землевладельцы, мусульманские религиозные авторитеты (улама) и, что особенно важно, шейхи суфийских братств (турук), находившиеся под патронажем султанского двора.

Общественная реакция в сирийских вилайетах на события Младотурецкой революции 1908–1909 гг. особенно важна для понимания исторических судеб поздней Османской империи и ее ближневосточных арабских владений. В последней четверти XIX — начале XX в. Абдул-Хамид II и его верные приближенные, в числе которых были влиятельные выходцы из Сирии, придавали Сирии (включая Горный Ливан и Палестину) не меньшее стратегическое значение, чем оставшимся владениям на Балканах. Именно прочный контроль над сирийскими провинциями обеспечивал османам коммуникации с Хиджазом как областью двух Благородных святынь — Мекки и Медины, что позволяло легитимизировать власть султана как халифа ислама и покровителя хаджа. Исторический эпитет Дамаска — «преддверье Мекки» — тем самым обретал дополнительное политическое звучание. Стратегическое значение Сирии и внимание султанских властей к ситуации в сирийских провинциях также возросли в последние два десятилетия XIX в. после британской оккупации Египта в 1882 г. и установления над ним военно-политического контроля. Играя среди османских владений роль своего рода стратегического связующего звена между Анатолией, Ираком, Египтом и Хиджазом, Сирия к началу XX в. демонстрировала достаточно высокий уровень стабильности. Пароходные и телеграфные сообщения связывали ее с имперским центром — Константинополем (Стамбулом), а крупные контингенты османских регулярных войск и жандармерии обеспечивали внутренний порядок, иногда нарушавшийся редкими локальными волнениями в некоторых горных районах, например в области Джебель ад-Друз к югу от Дамаска. Общественная безопасность, рост сельскохозяйственного производства и торговых связей с внешними рынками, повышение уровня грамотности в связи с распространением системы государственного образования, проникновение западных миссионерских структур, активно работавших среди арабоязычных христианских общин Сирии, Ливана и Палестины, активизация внутренних и внешних миграций — все эти явления к началу XX в. были связаны с итогами эпохи реформ Танзимата (1839–1876) и продолжавшейся консервативной модернизации в правление Абдул-Хамида II.

Как верно отметил американский исследователь А. Массо, имперская перестройка периода Танзимата, наряду с иностранным вмешательством и внутренними мятежами, превратили общественное пространство османской Сирии одновременно в инструмент социальных преобразований и ставку в политической борьбе². Для султанских властей была принципиально важна лояльность крупных мусульманских землевладельческих семей (аянов) Сирии, пользовавшихся большим авторитетом как в городах, где они

² Massot A. Ottoman Damascus during the Tanzimat: The New Visibility of Religious Distinctions // *Modernity, Minority, and the Public Sphere. Jews and Christians in the Middle East*. Leiden; Boston, 2016. P. 181.

преимущественно проживали, так и в сельской местности, где располагались их владения. Включение представителей местных элит в ряды образованного османского чиновничества, в том числе столичного, осуществлялось посредством распространения государственных школ и цепочек отношений «патрон — клиент», связывавших провинциальные центры с имперской столицей. Давняя традиция занятия сирийскими аянами должностей в провинциальной администрации сохранялась и в эпоху реформ, открывая новые возможности в условиях включения османских владений в мировую капиталистическую систему и развития торговли, финансов. Административные средства накопления капитала, основанные на манипулировании такими ресурсами, как ильтизам (откуп права сбора государственных налогов) и вакфы (недвижимость, переданная на благотворительные цели), к середине XIX в. давали аянским семьям возможность контролировать значительные площади обрабатываемой земли. Во второй половине XIX в. введение в действие Османского земельного кодекса 1858 г. позволило владельцам капиталов приобретать государственные земли и осваивать ранее не возделанные земли на правах, близких по своему характеру к частной собственности.

Вне зависимости от того, был ли авторитет знатной семьи приобретен на государственной службе или же в результате накопления торгового капитала, в условиях османского или же европейского (консульского) покровительства он позволял богатым и влиятельным городским семьям распространять свои экономические интересы на сельские внутренние районы центральной и южной Сирии. К началу XX в. среди всех сирийских городов социально-экономическое развитие наиболее активно шло в Дамаске и Бейруте. Как приморский Бейрут, служивший основными «морскими воротами» на сиро-ливанском побережье, так и Дамаск, окрестности которого исторически выполняли функцию главной житницы всего региона, поглощали обширную миграцию из сельских районов, что способствовало изменениям в социальной структуре городов. Мигранты, переселявшиеся в крупные городские центры, предпочитали селиться в тех или иных кварталах в зависимости от религиозной (мусульмане, христиане различных конфессий) и этнической (арабы, курды) принадлежности. Для многих мигрантов Бейрут играл при этом роль транзитного пункта с перспективой дальнейшей эмиграции в далекие заморские края — вплоть до США и Бразилии, благодаря налаженным пароходным сообщениям. В постепенно меняющейся действительности обоих ключевых городов османской Сирии местная «аристократия» — будь то такие богатейшие мусульманские семьи, как аль-Азм, аль-Абид, аль-Куватли и др. в Дамаске или же христианские семьи Сурсок, Бустрос, Трад и др. в Бейруте — была жизненно заинтересована в стабильности османской власти как гаранта безопасности и открытости Сирии для внешней торговли. Примечательно, что как в Бейруте, так и в Дамаске городская знать, независимо от конфессиональной принадлежности, эффективно использовала семейные связи и брачные альянсы как средства накопления и приумножения капитала. Признаки классовой консолидации проявлялись в том, что ограниченный круг семей в каждом городе воспринимал в качестве более-менее равных себе только семьи, принадлежащие к данной группе, а сама фамилия становилась символом высокого социального статуса.

К началу XX в. процессы модернизации в Османской империи существенно изменили облик городов, но в приморском Бейруте, по сравнению с Дамаском, эти изменения были гораздо более заметными. В городе, помимо османских школ, функционировали европейские и американские миссионерские учебные заведения, развивалось издательское дело и периодическая печать³, европейское влияние ощущалось в торговой и банковской сферах, а также в повседневном образе жизни многих горожан. Капиталистическая урбанизация, рост грамотности, развитие журналистики, деятельность литературно-просветительских обществ и салонов, увеличение численности образованной элиты

³ Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2012. С 61—77.

— как среди мусульман, так и христиан — все эти факторы на протяжении второй половины XIX — начала XX в. способствовали активизации интеллектуальных контактов Бейрута со Стамбулом и Каиром, а также с рядом европейских стран. Бурная интеллектуальная жизнь Бейрута ко времени Младотурецкой революции не только отражала социально-экономическую и культурную специфику османской модернизации и урбанизации, но также способствовала формированию гражданского общества, критически настроенного ко многим проявлениям деятельности османских властей. Целый ряд издававшихся в городе неправительственных арабоязычных газет («Хадикат аль-ахбар», «Самарат аль-фунун», «Аль-муктатаф», «Лисан аль-халь» и др.) формировали городскую и провинциальную информационную повестку и нарратив, определяли тот круг социально значимых тем, которые широко обсуждались среди горожан⁴. В целом, османский Бейрут начала XX в. можно охарактеризовать как архетипический средиземноморский город с многоконфессиональным, этнически и социально неоднородным населением, который был обязан своему экономическому процветанию морской торговле с Европой и культурному обмену с другими средиземноморскими городами. Но, в отличие от Александрии, Туниса или Алжира, чья городская экономика в то время определялась широким присутствием иностранного капитала, и самих европейцев, в Бейруте крупная торговля находилась в основном в руках местных богатых семей.

Согласно депешам российских консулов в Бейруте и Дамаске, направлявшимся летом 1908 г. в посольство России в Константинополе, новости о вооруженном выступлении в Македонии в июле 1908 г. и о согласии Абдул-Хамида II пойти навстречу требованиям мятежников стали совершенно неожиданными для местной общественности. Османские должностные лица на местах пребывали в растерянности и поначалу не знали, как реагировать на происходящее. Как следует из донесения российского генерального консула в Бейруте князя А.А. Гагарина, адресованного поверенному в делах российского посольства в Константинополе Д.А. Нелидову от 16 (29) июля 1908 г., первые официальные известия, свидетельствовавшие о революционных потрясениях, поступили исполняющему обязанности вали (губернатора) Бейрутского вилайета Шукри-паше от садра-зама (великого визиря) Саид-паши 11 (24) июля 1908 г.⁵ В своей экстренной телеграмме глава османского правительства сообщал о том, что султан Абдул-Хамид II приказал созвать меджлис (парламент) согласно Конституции 1876 г., в связи с чем в Бейрутском вилайете требуется срочно начать подготовку к выборам депутатов, отвечающих конституционным требованиям. Аналогичные телеграммы были в то время разосланы от имени главы османского правительства по всем провинциям обширного государства. После опубликования сообщения по Бейруту быстро распространилась сенсационная новость о предстоящем созыве османского меджлиса. Закономерно, что первой реакцией горожан (как мусульман, так и христиан) стал страх: высказывались опасения о провокации со стороны властей с целью выявления носителей оппозиционных взглядов. О младотурках в Бейруте в то время еще мало кто знал, и выражение сочувствия к ним прежде считалось чрезвычайно опасным⁶. Но вскоре общественная атмосфера в Бейруте начала меняться. Согласно поступившему из столицы распоряжению, исполнявший обязанности вали Шукри-паша был отозван, и на его место назначен Мехмед Али-бей, репутация которого, впрочем, так же как и предшественника, оставляла желать лучшего. В ходе церемонии вступления в должность нового губернатора произошло событие, невозможное на протяжении предыдущих тридцати лет правления Абдул-Хамида II: мусульманский шейх, редактор одной из газет, в своей речи стал жестко критиковать злоупотребления османских чиновников провинциальной администрации и не позволил вали прервать

⁴ Hanssen J. *Fin de Siecle Beirut. The Making of an Ottoman Provincial Capital*. Oxford; New York, 2005. P. 6.

⁵ Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С 159–160.

⁶ Там же.

себя. Именно эта речь, вызвавшая одобрительную реакцию толпы горожан, а не официальные телеграммы, по словам А.А. Гагарина, убедила жителей Бейрута в революционном характере политических перемен, происходящих в государстве⁷. Ощущение «крушения устоев» усилилось, когда был обнародован султанский указ об амнистии для политических заключенных, а также были получены известия из османской столицы о бегстве за границу Ахмада Иззет-паши аль-Абида — выходца из знатного и богатого дамасского рода, одного из наиболее влиятельных приближенных султана, курировавшего все важнейшие административные назначения и внутреннюю политику в сирийских провинциях.

Влияние Младотурецкой революции на сирийские провинции Османской империи следует рассматривать не только в связи с событиями 1908 г. в Сирии и Ливане, но также принимая во внимание важные изменения ситуации при султанском дворе в Стамбуле, где до июля 1908 г. большим влиянием обладали приближенные султана — выходцы из арабских провинций, игравшие роль посредников между провинциальной знатью и дворцом. Помимо Ахмада Иззет-паши аль-Абида, еще двое высокопоставленных выходцев из Сирии — шейх суфийского братства рифайя Абу-л-Худа ас-Сайяди и Наджиб-паша Мальхама, приближенных к особе султана, в июле 1908 г. утратили свое политическое влияние, причем лишились не только должностей при султанском дворе, но и свободы, будучи арестованными младотурками. Шейх Абу-л-Худа на протяжении долгого времени был фактически духовным наставником султана и его конфиденциальным советником по религиозным вопросам. Убеденный сторонник принципа сакральности власти султана как халифа всех мусульман, яркий оратор и религиозный автор Абу-л-Худа выстроил разветвленную систему протекции в отношении улама в Сирии, Ираке и ряде других областей Османской империи, контролируя назначения на важнейшие алиимские должности. Кроме него, ни один другой мусульманский религиозный деятель в течение трех с лишним десятилетий правления Абдул-Хамида II не достигал столь значительного личного влияния на султана⁸. Наджиб-паша Мальхама, представитель христианской маронитской семьи ливанского происхождения, выполнял особые конфиденциальные поручения султана и возглавлял его тайную полицию, призванную обеспечивать безопасность повелителя и следить за общественными настроениями в государстве. В знак особого доверия он и его брат Селим, занимавший пост министра сельского хозяйства, лесов и шахт, были удостоены титула паши, что было большой редкостью среди чиновников-христиан⁹. Братья Мальхама, подобно Ахмаду Иззет-паше аль-Абиду и шейху Абу-л-Худе ас-Сайяди, сделав столь успешную карьеру в столице, оказывали покровительство многим своим землякам, а их успех до лета 1908 г. символизировал то, каких высот могли достичь выходцы из Сирии и Ливана на султанской службе. Казавшиеся немыслимыми ранее известия о бегстве влиятельного вельможи Ахмада Иззет-паши аль-Абида, чьей протекции искали богатейшие семьи Дамаска и Бейрута, а также об аресте шейха Абу-л-Худы и Наджиб-паши Мальхамы вызвали в июле—августе 1908 г. закономерные последствия: те, кто ранее гордился своей близостью к «всесильному временщику» Ахмаду Иззет-паше, стали открыто подвергать его критике и перечислять его злоупотребления.

В Бейруте в первые недели после успеха мятежа младотурок воцарилась праздничная атмосфера всеобщего ликования и надежд на лучшую жизнь в связи с возвращением конституционного строя¹⁰. Город украсился флагами и иллюминацией, улицы заполнились радостными толпами горожан, приветствовавших офицеров местного гарнизона, в рядах которых стали проявлять себя члены ранее законспирированной ячейки младотурецкой организации¹¹. Офицеры-младотурки во главе с полковником Риза-беем, видя массовые

⁷ Там же. С. 160.

⁸ О нем см.: *Abu-Manneh B. Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi // Middle Eastern Studies. 1979. Vol. 15. № 2. P. 131–153.*

⁹ *Makzume E. Sultan II. Abdülhamid'in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi. İstanbul, 2019. P. 13–15.*

¹⁰ *Rashid Rida M. Rihlatan ilya Suriya (1908–1920). Beirut, 2001. P. 23–24. (In Arabic)*

¹¹ *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Указ. соч. С. 161–163.*

симпатии горожан, быстро почувствовали себя хозяевами положения в Бейруте: устраивали торжественные банкеты, в том числе за счет средств, собранных состоятельными горожанами, и без труда добивались отставки неугодных чиновников, поскольку вали теперь ни в чем не мог им отказать¹². По сообщению британского консула в Бейруте Г.А. Камбербэтча, младотурецкий комитет в Бейруте благодаря налаженным телеграфным сообщениям находился в постоянном контакте с Центральным комитетом «Иттихад ве теракки» в Салониках и был полон решимости «довести дело до конца»¹³. Уже в первой половине августа 1908 г. офицерам-младотуркам удалось сместить вали Мехмеда Али-бея, арестовать начальников полиции и жандармерии, а также наиболее известных султанских агентов из числа местных офицеров и чиновников, составлявших доносы на своих коллег и других горожан¹⁴.

Прежняя «вертикаль власти» и система личной протекции, связанные напрямую с султанским двором в Стамбуле, перестали функционировать, но городская буржуазия Бейрута, как и раньше, искала высокого покровительства. И вполне закономерно новых покровителей «отцы города» увидели в лице офицеров-младотурок. Зная о хронических задержках жалования османским военным, состоятельные бейрутцы организовывали сбор средств в пользу победивших революционеров¹⁵ и соперничали друг с другом в борьбе за их симпатии. В такой обстановке все больше офицеров и чиновников желали присоединиться к младотурецкой организации. Примечательно, что радостные настроения не сопровождались критикой в адрес султана Абдул-Хамида II и в звучавших в ходе торжественных речей лозунгах «Да здравствует свобода! Да здравствует армия! Да здравствует султан!»¹⁶ как будто не ощущалось противоречия. Это объяснялось тем обстоятельством, что и злоупотребления султанских чиновников, и страх перед доносами в общественном сознании жителей османской Сирии ассоциировались с придворным окружением Абдул-Хамида II, его советниками и фаворитами, но не с самим султаном-халифом. Личность падишаха в глазах подданных — как мусульман, так и многих немусульман — оставалась священной и неприкосновенной.

В целом летом и осенью 1908 г. общественная жизнь в Бейруте была необычайно политизирована. Горожане проявляли живой интерес к новостям из столицы, которые обсуждались в местной прессе. На фоне завышенных ожиданий порой случались эксцессы, как, например, попытка толпы освободить всех заключенных из местной тюрьмы и призывы к отказу от уплаты налогов. Но офицеры-младотурки восстановили порядок и по сути ограничили свою революционную деятельность в Бейруте смещением и арестами ряда неугодных им должностных лиц. Как и Центральный комитет «Иттихад ве теракки», его местное отделение было намерено контролировать деятельность османского государственного аппарата, но при этом не возлагать на себя ответственность за его работу.

Дамаск, по сравнению с внешне относительно «европеизированным» и быстро растущим Бейрутом, в большей степени сохранял традиционный арабо-мусульманский облик, а торгово-ремесленные слои городского населения доверяли в первую очередь консервативно настроенным местным землевладельцам, улама и суфийским шейхам, что практически не оставляло младотуркам почвы для пропаганды либеральных антиправительственных идей. В отличие от Бейрута, младотурецкий переворот июля 1908 г. не стал в Дамаске причиной массового ликования, а крушение влияния Ахмада Иззет-паши аль-Абиди и шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди вызвало плохо скрываемую тревогу у многих их протеже. Местный младотурецкий комитет, представленный в основном турецкими офицерами гарнизона, не пользовался доверием местных жителей. Как сообщал в своем донесении российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву консул в Дамаске

¹² Там же. С. 167–175.

¹³ *Der Matossian B.* Formation of Public Sphere(s) in the Aftermath of the 1908 Revolution among Armenians, Arabs, and Jews // “L’ivresse de la liberté”. La revolution de 1908 dans l’Empire ottoman / ed. F. Georjeon. Paris, 2012. P. 214.

¹⁴ *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Указ. соч. С. 174–175.

¹⁵ *Kurd Ali M.* Hitat al-Sham. Part 3. Dimashk, 1983. P. 117. (In Arabic)

¹⁶ *Jessup H.H.* Fifty-three years in Syria. Vol. II. New York, 1910. P. 786.

князь Б.Н. Шаховской 15 (28) октября 1908 г., «комитет выказал много грубости и резкости при удалении от должностей неугодных им чиновников; очень неосторожно они начали действовать против шейхов и улема, которые здесь очень сильны и влиятельны, и заставили их возненавидеть как комитет, так и конституцию в теперешнем ее проявлении, относительно которой они говорят, что она исторгнута военными не для блага народа, а чтобы захватить власть в свои руки...»¹⁷. Дополнительным фактором активизации протестных настроений в Дамаске, направленных против «Иттихад ве теракки», стала подготовка к выборам депутатов нижней палаты османского парламента (Меджлис-и умуми) осенью 1908 г. Младотурки стремились заранее отстранить от участия в выборах неугодных им кандидатов и провести в парламент своих сторонников. Следует отметить, что в Дамаске, как и в Бейруте, в первые месяцы после начала революции в местные отделения младотурецкой организации стремились вступить немало людей, не принадлежавших ранее к революционному движению. В Дамаске в состав младотурецкого комитета к осени 1908 г. были приняты и некоторые представители влиятельных городских семей, в то время как большая часть городской знати (в том числе семьи аль-Азм, аль-Аттар, аль-Хатиб и др.) испытывали к младотуркам недоверие. Те, в свою очередь, пытались не только заполнить временный политический «вакуум», образовавшийся после революции, но и давать указания османской провинциальной администрации. Первой задачей «Иттихад ве теракки» в Дамаске было избавиться от чиновников, известных своей лояльностью к Абдул-Хамиду II и его приближенным. С этой целью офицеры-младотурки оказывали давление на вали, требуя уволить главу административного совета провинции Мухаммада Фаузи-пашу аль-Азма, а также муфтия Дамаска и ряд других должностных лиц¹⁸. Эти действия вызвали недовольство среди улама, которые стали искать повод для дискредитации местных активистов младотурецкого движения.

В городе постепенно усиливались протестные настроения, которые вылились в массовые беспорядки 11 (24) октября в связи с выступлением в Омейядской мечети — крупнейшей и важнейшей в городе — шейха Мухаммада Рашида Риды. В эпоху самовластного правления Абдул-Хамида II он, как и ряд его единомышленников, считался османскими властями опасным диссидентом и был вынужден вести свою проповедническую и публицистическую деятельность в Египте, т.е. вне досягаемости султанской полиции. При этом Рашид Рида был убежденным сторонником младотурецкой организации «Иттихад ве теракки»; осенью 1908 г. он посетил Сирию, рассчитывая на защиту и заступничество революционеров. Но в родном Триполи реформатору был оказан столь враждебный прием, что он спешно покинул город, опасаясь за свою жизнь. Главным событием его визита в Дамаск стали запланированные заранее и одобренные местным комитетом «Иттихад ве теракки» выступления с лекциями в Омейядской мечети, что само по себе считалось большой честью. Будучи сторонником реформаторского движения в исламе, Рашид Рида призывал к «очищению ислама» от всего, что не соответствует Корану и сунне, а также критиковал деятельность суфийских шейхов, считая их уровень религиозной образованности недостаточным для религиозных авторитетов¹⁹. Такая позиция отвечала интересам младотурок, рассчитывавших ослабить доверие горожан к местным улама-традиционалистам и руководителям суфийских братств. Но во время второй лекции, скорее напоминавшей проповедь, выступление Мухаммада Рашида Риды прервал шейх Салих Шариф ат-Туниси. Он обвинил оратора в нападках на уважаемых мусульман, дав понять собравшимся, что взгляды Рашида Риды несут в себе признаки ваххабизма, а следовательно, непризнания власти османского султана. Это страшное обвинение немедленно было поддержано толпой, и Мухаммад Рашид Рида спешно покинул мечеть²⁰.

¹⁷ Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Указ. соч. С. 261–262.

¹⁸ Der Matossian B. Op. cit. P. 212–213.

¹⁹ Rashid Rida M. Op. cit. P. 45–46.

²⁰ Guardians of faith in modern times: “ulama” in the Middle East / ed. M. Hatina. Leiden; Boston, 2009. P. 239.

Сам Мухаммад Рашид Рида впоследствии утверждал, что шейх ат-Туниси намеренно настраивал против него верующих с целью спровоцировать беспорядки в Дамаске, поскольку являлся убежденным сторонником шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди²¹. По всей видимости, такого же мнения придерживался и начальник жандармерии в Дамаске Асад-бей, состоявший в местном комитете «Иттихад ве теракки». Расценивая речи ат-Туниси в мечети как намеренную провокацию, он велел арестовать шейха. Напряженность в Дамаске достигла апогея: на улицах и на городских рынках стали собираться тысячи людей с оружием²². Толпа требовала освобождения шейха ат-Туниси, расправы над Асад-беєм и роспуска младотурецкого комитета. Несмотря на то, что ат-Туниси вскоре был освобожден, вооруженные протестующие ворвались в правительственные здания. Спасаясь от разъяренной толпы, начальник жандармерии Асад-бей в страхе покинул охваченный беспорядками город. Только своевременное вмешательство вали Шукри-паши, который поддержал освобождение ат-Туниси, несколько успокоило страсти, но деятельность младотурецкого комитета в Дамаске была временно парализована²³. Важно отметить, что массовые беспорядки в Дамаске, ставшие проявлением недоверия горожан к младотурецкой организации, вспыхнули незадолго до выборов в парламент, и руководство салоникского комитета «Иттихад ве теракки» было крайне обеспокоено происходящим. Направленные в Дамаск эмиссары в результате долгих и сложных переговоров с местной элитой смогли добиться восстановления общественного порядка в городе. Но их попытки провести угодных младотуркам кандидатов от Сирийского вилайета на выборах в парламент не принесли желаемого результата, поскольку большинство избирателей в Дамаске предпочли кандидатов, не связанных с младотурецкой организацией²⁴.

Революционные события лета 1908 г. вызвали весьма неоднозначную реакцию в сирийских провинциях Османской империи. Залогом политической и социальной стабильности на местах традиционно была система отношений «патрон — клиент». Благодаря лояльности наиболее авторитетных и богатых семей в провинциальных центрах османским властям удавалось поддерживать общественный порядок. Слом устоявшихся в эпоху Абдул-Хамида II патрон-клиентских цепочек создавал неопределенность. В приморском Бейруте местная элита приветствовала революцию и стремилась заручиться поддержкой победившей политической силы в лице комитета «Иттихад ве теракки». Предвыборная борьба за выдвижение кандидатов в депутаты османского парламента придавала дополнительный вес лидерам конфессиональных общин. В результате главы богатейших политически активных семей Бейрута зарекомендовали себя в качестве лидеров²⁵ своих конфессиональных общин в политическом союзе с младотурками. В то же время в Дамаске восприятие Младотурецкой революции оказалось иным: свержение прежних столичных покровителей местной мусульманской элиты, политические «чистки» в провинциальной администрации и высокомерное отношение революционно настроенных офицеров к дамаской знати, в том числе к религиозным авторитетам, вызвало широкое общественное недовольство среди мусульманского большинства жителей города. Не случайно в Дамаске осенью 1908 г. горожане в насмешку стали называть младотурецкую организацию «обществом раскола и упадка»²⁶, а весной следующего 1909 г. толпы местных мусульман радовались известиям о неудачах младотурок в ходе попытки контрпереворота в Стамбуле. Рост недовольства младотурецким правлением со стороны арабоязычных сирийских интеллектуалов, характерный для последующих нескольких лет османской исто-

²¹ *Rashid Rida M.* Op. cit. P. 51.

²² *Ibid.* P. 48.

²³ *Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Указ. соч. С. 264–266.

²⁴ *Kayali H.* Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 65.

²⁵ Заим, мн.ч. зуама (букв. «лидер») — традиционный эпитет влиятельного ливанского политика, способного определить результаты выборов в избирательном округе и выступающего в качестве патрона для своих клиентов.

²⁶ *Der Matossian B.* Op. cit. P. 214.

рии, вплоть до начала Первой мировой войны²⁷, во многом также связан с теми первыми потрясениями, которые революционные события 1908 г. принесли в османскую Сирию.

Библиография / References

Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2012.

Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015.

Sarab'ev A.V. Doma, za rubezhom. Migracii hristian Sirii i Livana (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) [At home, abroad. Migration of Christians of Syria and Lebanon (the second half of the 19th – the first half of the 20th century)]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. Siriya nakanune i v period Mladotureckoj revolyucii. Po materialam konsul'skih donesenij [Syria on the eve and during the Young Turk Revolution. Based on the materials of consular reports]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Abu-Manneh B. Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi // *Middle Eastern Studies*. 1979. Vol. 15. № 2. P. 131–153.

Der Matossian B. Formation of Public Sphere(s) in the Aftermath of the 1908 Revolution among Armenians, Arabs, and Jews // “L’ivresse de la liberté”. La revolution de 1908 dans l’Empire ottoman / ed. F. Georgeon. Paris, 2012. P. 189–219.

Guardians of faith in modern times: “ulama” in the Middle East / ed. M. Hatina. Leiden; Boston, 2009.

Haddad M. The Rise of Arab Nationalism Reconsidered // *International Journal of Middle East Studies*. 1994. Vol. 26. № 2. P. 201–222.

Hanssen J. Fin de Siecle Beirut. The Making of an Ottoman Provincial Capital. Oxford; New York, 2005.

Jessup H.H. Fifty-three years in Syria. Vol. II. New York, 1910.

Karpat K.H. The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York, 2001.

Kayali H. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

Kurd Ali M. Hitat al-Sham. Part 3. Dimashk, 1983. (In Arabic)

Makzume E. Sultan II. Abdülhamid’in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi. İstanbul, 2019.

Massot A. Ottoman Damascus during the Tanzimat: The New Visibility of Religious Distinctions // *Modernity, Minority, and the Public Sphere. Jews and Christians in the Middle East*. Leiden; Boston, 2016. P. 155–184.

Rashid Rida M. Rihlatan ilya Suriya (1908–1920). Beirut, 2001. (In Arabic)

²⁷ *Haddad M.* The Rise of Arab Nationalism Reconsidered // *International Journal of Middle East Studies*. 1994. Vol. 26. № 2. P. 214–215.